

А. И. Зозулина, М. С. Зозулин

Молитва матери



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

2011

УДК 23/28
ББК 86.376
З 78

Содержание



<i>«Прости, мама»</i>	5
<i>Мать</i>	26
<i>Дома</i>	34
<i>Тая стучится в дом бывшей семьи Ивана Максимовича</i>	48
<i>Маленький домик</i>	54
<i>Эпilog</i>	59

3 78 **А. И. Зозулина, М. С. Зозулин**
Молитва матери. — Заокский: «Источник
жизни», 2011. — 64 с.

ISBN 978-5-86847-568-2

УДК 23/28
ББК 86.37

ISBN 978-5-86847-568-2

© Издательство «Источник жизни», 2011
© Н. И. Щеглова, стихи, 2011



*Прости меня ... В твоих ладонях
Морщинистых моя судьба
От колыбели и, пожалуй,
До гроба или до креста.*

*Прости меня... В глазах на фото
В твоих таких родных глазах
Ни тени горького упрека
За то, что я погряз в грехах.*

*Прости меня... В твоей улыбке
Всегда радушно тепло.
Мое вранье, мои ошибки
Не в силах изменить ее.*

*Прости... В своих ночных молитвах
Ты имя грешное мое
Произносила также свято,
Как имя Бога Своего.*

*Не потому ли жив я ныне?!
И кровью написать готов:
Прости мою жестокость, мама!
Мне так нужна твоя любовь.*



«Прости, мама»



Еще вчера он был очень богат и счастлив. Он жил в одном из больших и красивых городов, имел прекрасную трехкомнатную квартиру, машину новейшей марки. Его семья — жена, дочь и сын — были счастливы и вели роскошный образ жизни.

Дом часто был полон гостей, и поэтому жизнь казалась ему сплошным праздником. Хотелось верить, что это будет продолжаться вечно и счастье будет безграничным.

Но между тем его сердце, никогда не знавшее нужды и горя, было очень черствым. Изобилие способствовало развитию у него высокомерия и гордости. И если для всех его друзей дверь его дома была открыта, то она была закрыта для самого дорогого человека на земле, давшего ему жизнь, — его матери.

Два года назад он успешно защитил диссертацию и стал доктором физико-математических наук. Жена тоже занимала хорошее положение в обществе, и недалек был тот день, когда дочь и сын должны были занять достойное место в жизни. Таким образом, будущее его семьи, казалось, было обеспечено.

Но вдруг это прекрасное будущее, которое было окутано розовой пеленой мечтаний и планов, неожиданно было отодвинуто назад невидимой рукой и покрылось черной траурной вуалью неизвестности, скорби и сердечной боли...



...Иван Максимович, до боли стиснув зубы, лежал на больничной койке. После дорожной катастрофы к нему пришло осознание того, что он, лишившись двух ног и правой руки, стал калекой. В этот момент ему хотелось одного — умереть, но он продолжал жить, а вернее, существовать. По его щекам катились слезы. Тут в палату вошла высокая и стройная медсестра Галя. Раздав больным термометры, Галя подошла к постели Ивана Максимовича и ласково спросила:

— Иван Максимович, почему вы плачете?

— Да так, Галина, вспомнил веселое прошлое и подумал о мрачном будущем.

— Да что вы, не впадайте в отчаяние! Какой бы тяжелой ни казалась жизнь, в ней всегда есть выход. Так будет и у вас. Вы снова найдете свое место в жизни. Ведь, слава Богу, ваша голова цела и невредима. В ней много прекрасных мыслей и идей, которые еще принесут обществу благо.

— Возможно, это и так, Галя, спасибо тебе за добрые слова. Но, к сожалению, тебе никогда не понять моего состояния. Тело мое уже не восстановишь: ни ног, ни руки. Сейчас мне требуется сила, которая бы вернула жизнь телу. Но и это еще не все. Мне нужна такая сила, которая обновила бы мою душу, вернула мне надежду и веру. Нет! Тебе этого не понять.

В палате все молчали. Галя не знала, что ему на это ответить. Иван Максимович первым прервал тишину:

— Галя, жена и дети не приходили вчера?

— Приходили. Но вы в это время спали, и они не стали вас будить.

— Разбуди меня, если сегодня придут. Или пусть подождут, пока я проснусь.

— Хорошо.

Галя вышла из палаты, села за рабочий стол и еще долго не могла освободиться от печальных мыслей...

...Вчера жена Ивана Максимовича приходила к хирургу. В это время Галина тоже вошла по делу к нему в кабинет и невольно оказалась свидетельницей их разговора. Она и сегодня ясно слышит слова, которые медленно, со слезами были сказаны женой Ивана Максимовича:

— Андрей Михайлович, поймите меня. Я не могу взять его домой, так как работаю с утра до вечера. Дома целый день никого нет. И потом, я не знаю, что с ним делать. Он вызывает у меня чувство брезгливости... За шесть месяцев, что он лежит у вас, я все обдумала и решила развестись с ним. Да и дети против того, чтобы он, будучи в таком состоянии, жил с нами. Он будет для нас тяжелой обузой...

— Жаль, конечно, что вашей любви хватило только на благополучные дни совместной жизни и что она при первом жизненном испытании кончилась. Мне его очень жаль. Если вы его бросите, он может умереть.

— Это был бы лучший выход для всех нас. Хотя вряд ли вы меня поймете и, наверное, даже осудите. Но иначе я не могу.

— Так что же нам все-таки делать? Как ему сообщить о вашем решении?

— Пока ничего не говорите ему. Пусть еще месяц полежит в больнице. Вы знаете, доктор, у Ивана Максимовича есть старенькая мать. Живет она одна и, узнав о трагедии, наверняка последние дни своей жизни посвятит сыну: окажет ему помощь,



проявит заботу, любовь и ласку. Я думаю, она не откажется. Ведь она ему мать.

— Хорошо, идите и решайте, только не забывайте, что жизнь прожить — не поле перейти. Как бы все не обернулось против вас.

Очень холодно распрощался с ней хирург, и, когда за посетительницей закрылась дверь, обратившись к Гале, продолжил:

— Галина, ты дежуришь днем, поэтому проследи, чтобы его бессердечные близкие не проходили к нему без твоего разрешения.

— Я вас поняла, — ответила Галя и с тяжелым камнем на сердце вышла...

...Ей было трудно теперь вспоминать слова, сказанные Иваном Максимовичем. «Ольга и дети приходили вчера?» — спросил он. Она ответила, что приходили, но, боясь причинить ему боль, не могла сказать о том, с какой целью они приходили.

А потом, что он еще сказал? «Разбуди меня, если сегодня придут. Или пусть подождут, пока я проснусь».

Как ужасно, ведь они, наверное, больше никогда к нему не придут, — размышляла Галина.

Она резко поднялась со своего места и пошла к врачу. Хирург, сидя за столом, был погружен в свои невеселые думы. Много разных проблем возникало у него с больными, но такого случая, как с Иваном Максимовичем, в его практике еще не было. Он не знал, как ему поступить. При появлении Галины хирург поднял голову и машинально сказал:

— Садись.

Галя села. Они молчали. Им казалось, что думали они об одном и том же, но оба не знали, с чего начать разговор. Вдруг Галя спросила:

— Андрей Михайлович, так как же мы поступим с Иваном Максимовичем? Пусть он полежит у нас еще месяц.

— А потом?

— Потом сообщим его матери.

Разговор был прерван, так как их позвали к больному.

Дни Ивана Максимовича были печальны и серы. Прошла неделя. Галина, разбирая почту, отложила в сторону письмо, адресованное Ивану Максимовичу. Затем разнесла больным письма и, уже выходя из пятой палаты, услышала голос Ивана Максимовича:

— Галина, мои не приходили?

— Нет. Но они звонили и просили передать, что у детей сессия, а Ольга Михайловна уехала в командировку и просила вас не беспокоиться. Она передала, что напишет вам письмо.

— Буду ждать.

Галина взяла отложенное письмо и пошла к хирургу. Они читали его вместе и возмущались, но что-либо предпринять были бессильны. Решили пока молчать. Галя уже уходила, когда хирург окликнул ее:

— Галина, останься после смены и поговори с Иваном Максимовичем о его маме. Расспроси об их отношениях и о том, где она живет.

— Хорошо.

И вот, передав смену, Галина взяла коляску и вошла в палату.

— Иван Максимович, на улице уже весна, все цветет и благоухает. Мы сейчас с вами немного погуляем и вместе посмотрим на распускающиеся деревья.



— Галина, иди домой. Ты за день устала, нечего со мной возиться.

— Я живу с мамой, семьи еще нет. Спешить некуда, а мое призвание — помогать людям. Сегодня мне хочется сделать вам приятное. Ваша дочь не может погулять с вами, она очень занята, вот я вместо нее и доставлю вам это удовольствие.

Когда она покатила коляску по больничному двору, Иван Максимович заулыбался, увидев жизнь, пробудившуюся в природе. Ему тоже захотелось жить, и он с благодарностью посмотрел на Галину, которая присела на лавочку. Как-то незаметно для них завязался разговор.

— Иван Максимович, расскажите о вашем детстве, о ваших родителях, — попросила Галя.

— Вам это интересно?

— Очень. Я люблю слушать жизненные истории своих больных. Истории всегда разные, но все они духовно обогащают меня.

Иван Максимович помолчал, а потом начал рассказывать.

Исповедь

— Мой отец умер, когда мне исполнилось шесть лет. Мама больше не выходила замуж. Всю свою жизнь она посвятила мне. Днем она работала секретарем-машинисткой, а вечером, чтобы я ни в чем не нуждался, стирала белье для парикмахерской. При всей своей занятости она обязательно находила время для меня. Я всегда был чистым и сытым.

Два раза в неделю мы вместе с ней гуляли в парке. Она рассказывала мне интересные истории.

Больше всего она хотела, чтобы я стал человеком, настоящим человеком, как она мне постоянно твердила.

Она верила в Бога и раз в неделю ходила на богослужение. Часто говорила мне о Нем и об Иисусе Христе, Который спас человечество на Голгофе. В детстве я любил слушать эти рассказы.

— А вы, Иван Максимович, помните хотя бы один из этих рассказов об Иисусе Христе?

— Помню. Видимо, то, что внушают с детства, остается на всю жизнь.

— Расскажите мне что-нибудь.

— Понимаешь, я боюсь допустить неточность, не смогу рассказать тебе так, как это сделала бы моя мама. В детстве я очень любил слушать рассказы о жизни Иисуса. По существу, я вырос на маминых рассказах. И когда закончил десятилетку с золотой медалью, мама была рада до слез. Она все повторяла: «Не напрасны мои труды. Учись, сынок, дальше, я все сделаю, что в моих силах, для того чтобы ты стал настоящим человеком».

В тот день, когда я после окончания физико-математического факультета защитил диплом, мама ожидала меня в сквере, сидя на скамейке. Я вышел из университета с моей невестой Олей, третьекурсницей пединститута. Мы шли радостные, держась за руки, и Оля щебетала, как птичка. Я даже не заметил маму, которая шла мне навстречу. Когда она оказалась рядом, я воскликнул:

— Мамочка, ты здесь? — и бросился ей навстречу. — Я защитил диплом!

— Я очень рада за тебя, сынок!

— Мама, а это Оля!

— Здравствуй, Оленька, меня зовут Анна Михайловна, — сказала мама и сильно смутилась, подавая ей руку.

Прощаясь с нами, мама сказала:

— Я пойду. А ты, Оля, приходи к нам в гости. Я буду рада.

Мама ушла. А мы с Олей, держась за руки, как маленькие дети, и смеясь от счастья, еще долго гуляли. Устав, мы сели на скамейку, и вдруг Оля сказала:

— Я почему-то боюсь твоей мамы. Меня смутил ее острый взгляд.

— Тебе показалось. Поверь, ты ее полюбишь.

— Не знаю, полюблю ли. Есть на свете только одна лишь мать — родная!

Мне стало как-то не по себе оттого, что в такой радостный день наш разговор с Олей приобрел неприятный оттенок. И я перевел разговор на другую тему.

Уже вечером, когда я, прощаясь, уходил, Оля сказала:

— Забудь наш разговор. Просто во мне заговорило чувство ревности к твоей маме.

Я шел домой и радовался тому, что Оля изменила свое мнение о моей маме.

А мама тем временем ждала меня дома. На столе, накрытом праздничной скатертью, красовался великолепный пирог. Мы с мамой пили чай с любимым вареньем и долго разговаривали на разные темы. Было ощущение мира, добра, тепла и уюта.

Через год я женился на Оле. Перед женитьбой я задал маме вопрос о том, нравится ли ей Оля. Она ответила:

— Тебе жить с ней. Мне кажется, что она избалована и самолюбива и что тебе тяжело будет с ней.

— Мамочка, она хорошая, очень хорошая, — ответил я, — просто ты ее не знаешь. Поживешь с нами и убедишься.

— Пусть будет так, сынок, — вздохнув, сказала она. — Пусть Бог благословит вас.

— Если Он существует, то благословит, — смеясь, сказал я.

— Не смейся, сынок, над Богом. Этим ты меня сильно обижаешь.

— Прости меня, мама, больше не буду.

Сразу же после женитьбы был неприятный разговор с Олей. Я не узнавал ее. Она просто кричала: «Не нужна мне твоя мать! Если ты ее приведешь, я сразу же уеду!» Я молчал и надеялся, что все уладится. Меня мучила совесть — что я скажу маме? Ведь она ждет приглашения жить вместе. Недавно я получил квартиру, в которой и на маму дали жилплощадь, потому что она свою комнату сдала в ЖКО. Она думает, что все уже готово к ее переезду. У меня болела голова от мысли, что сказать маме.

Через неделю я опять начал разговор с Олей. Но она и слышать не хотела о переезде мамы к нам. Зная, что мама ждет, когда мы ее заберем, я пошел к ней. Открыв дверь, я увидел, что вещи уже упакованы. А мама с радостью встретила меня словами: «Приехал? Сегодня переезжаем?» Я не знал, что сказать ей в ответ. Смутившись, еле смог выдать: «Оля против твоего переезда к нам. Не знаю, что делать. Разменять опять квартиру? Что ты посоветуешь?» Мама на один миг изменилась в лице, но потом весело сказала:

— Живите счастливо! Я, сынок, не буду вам мешать. Я найду себе квартиру, а эта пусть останется тебе.

— Спасибо, мамочка! Ты самая лучшая в мире мать. За твою квартиру я буду платить вместо тебя.

— Да что ты, сынок! У меня средств хватит! Я получаю пенсию и еще работаю. Не беспокойся!

Я сел на табурет. Мне показалось, что я пришел домой и больше никуда не пойду. Мне захотелось остаться дома. Мама подошла ко мне, погладила мои волосы и пригласила пить чай. Мы пили чай, и мама расспрашивала меня о моей работе, о моих планах. Я рассказывал все подробно. Уже было поздно, когда я собрался уходить. Мама подошла ко мне и поцеловала в лоб. Из ее глаз покатались слезы.

— Мама, ты плачешь?

— Нет, сынок, мне просто показалось, что ты маленький, беспомощный, и, знаешь, я хотела напомнить тебе мою заветную мечту: на какую бы высоту ты ни поднялся в своей жизни — останься человеком. Пусть благословит тебя Господь.

— Мама, ты будто прощаешься со мной.

— Да что ты, сынок, иди, а то Оля будет беспокоиться. Передай ей привет.

Я поцеловал маму и ушел.

Оля не спала, ждала меня. Я еще не успел позвонить, как она открыла дверь и спросила:

— Ну, что?

— Мама передавала тебе привет.

— Причем здесь привет, — сказала она нервно, — что вы решили?

— Мама отказалась от комнаты в нашу пользу и будет искать себе квартиру. Она хочет, чтобы мы жили счастливо.

— Молодец твоя мать. Я так и знала, что Анна Михайловна — человек с добрым сердцем.

Оля повеселела, зато у меня стало очень тяжело на душе. Я как бы издалека услышал голос матери: «Моя заветная мечта, сынок, чтобы ты остался на любой высоте человеком». И я подумал: «Я уже сейчас мелочный человек!»

Однажды вечером я пришел домой, и Оля сообщила:

— От твоей мамы пришло письмо. Анна Михайловна переехала в городок Н. к своей сестре. Живут вместе, чувствуют себя хорошо.

Я был поражен. Мама уехала, почему? Опять на душе стало как-то нехорошо. Она, наверное, уехала из-за меня, чтобы не напоминать мне о своем одиночестве.

У нас родилась дочь. Я сообщил об этом маме телеграммой. Она поздравила нас, а через неделю прислала подарки для малышки.

Затем родился сын. Я известил об этом маму, и мы вновь получили поздравления и подарки уже для сына.

Однажды Оля встретила меня с недовольным лицом и с порога заявила:

— Письмо от твоей матери. Едет посмотреть на внуков, не спросив даже разрешения. Моя мама тоже приезжает, я не знаю, хорошо ли это будет, если они будут вместе. Что ты скажешь? Может, пошлем телеграмму, чтобы она задержалась?

— Пусть твоя задержится, она часто бывает у нас, а моя не была пять лет и даже не видела внуков. Оля, будь же ты человеком! — выпалил я.

— Ладно, — надув губы, ответила она.

На следующий день я поехал встречать маму.

Она вышла из вагона сияющая и, увидев меня, еще больше обрадовалась. Я подбежал к ней, и она, обняв меня, тихо заплакала. Потом, выпрямившись, сказала: «Пойдем!» Домой мы поехали на моей новой машине. На пороге дома нас встречали дети. Сын спросил:

— Кто это, папочка?

— Это ваша бабушка Аня.

— Наша? А почему мы ее не знаем? — сказал Игорь.

Бабушка подошла, обняла внуков, и через час они уже были друзьями.

Ольга пришла поздно. Холодно поздоровалась. Приготовила ужин, пригласила. Мама, сидя за столом, спрашивала нас о работе, о наших делах. Я отвечал. Ольга молчала.

— Бабушка, останься у нас жить! — сказал Игорь.

— Останься, останься! — вторила ему Оксана.

— Спасибо за приглашение. Я вас тоже приглашаю к себе вместе с папой и мамой, приезжайте. А я, деточки, завтра уезжаю. Я проездом. Подумала: заеду, хотя бы познакомлюсь с моими внучатами.

— Приедем, приедем, но ты не уезжай!

На второй день мама собралась ехать. Я подошел к ней и с мольбой в голосе попросил:

— Мамочка, останься еще хотя бы на несколько дней.

— Не могу, сынок. Я проездом. Потом, в другой раз.

Я отвез ее на вокзал. Мама поцеловала меня и сказала:

— Сынок, хоть изредка пиши мне. Я стала стареть и начала особенно скучать по тебе.

— Хорошо, мамочка, — пообещал я, — буду писать.

Мы попрощались, и я некоторое время изредка писал ей коротенькие письма. Потом погрузился в работу и через четыре года сообщил маме, что ее сын — доктор физико-математических наук.

Вместо ответной телеграммы приехала сама мама. Она вошла в квартиру, чем-то очень обеспокоенная. Увидев ее, я воскликнул:

— Мама, это ты?

От нее повеяло чем-то родным, очень дорогим. Я подбежал к ней и, крепко обняв, поцеловал.

— Да, сынок, это я.

— Только не вовремя вы приехали, Анна Михайловна, — вставила Оля.

— Нет, нет, очень вовремя! — возразил я.

— У нас сегодня вечером будут важные гости, и нам бы не хотелось, чтобы ваше присутствие испортило наш вечер. Вы ведь не сможете скрыть, что вы верующая. Нам это будет неприятно.

— Не беспокойся, Оля, я скоро уеду. Сегодня я приехала поздравить своего сына и рассказать о том, что видела во сне. Сон встревожил мое сердце, и я поспешила к вам.

Мама вошла в комнату, скромно села на стул и сначала тихо, а потом все сильнее повышая голос, начала рассказывать.

Тут Иван Максимович замолчал, как бы что-то припоминая.

— Иван Максимович, расскажите сон вашей мамы, — попросила Галя.

— Вам, Галина, уже пора домой, а вы возитесь со мной.

— Уж очень мне интересно узнать, что же ей приснилось. Расскажите, пожалуйста!

— Хорошо, если вы так хотите.

Вот что рассказала в тот вечер мама:

— За день до телеграммы я видела страшный сон. Ангелы объявили Второе пришествие Иисуса Христа. Я с радостью бежала встречать Его. Я увидела сияющего Христа на белоснежных облаках с серпом в руке и закричала: «Вот Он, Бог наш, возрадуемся и возвеселимся в пришествии Его!» И вдруг я с ужасом увидела: тебя нет рядом со мной. Я начала звать: «Ванечка! Ванечка!» Картину пришествия Христа сменила другая: горел наш грешный мир. Горели люди в большом огненном озере, в которое превратилась наша земля. Среди тех, которые горели, я увидела тебя. Я с болью в сердце крикнула: «Сынок, спасайся!» Ты ответил: «Поздно». Потом начал клясть меня страшными словами: «Почему ты день и ночь работала? Подарила мне беззаботную жизнь в детстве и юности? Помогла мне подняться на высоту и тем самым обеспечила огненное озеро! Погибаю, погибаю, — кричал ты, — и тебя проклинаяю, ты виновата в моей гибели». Утром, когда я встала, у меня созрело твердое решение сразу же поехать к тебе и рассказать о плане спасения, призвать к покаянию».

— Вот этого только и не хватало нам! — возмутилась надменно Оля.

— Оля, я и тебя умоляю, ищи путь спасения. Пока не поздно! — ответила мама.

— Этого никогда не будет! — закричала Оля гордо.

В эту минуту мне стало жалко маму. Я обнял ее и сказал:

— Мама, это просто сон, и, прошу, не пытайся тревожить мою душу. Нет у меня желания гово-

рить об этом. Сходи на вечер к тете Соне, переночуешь, а завтра приходи опять к нам.

Мама воскликнула:

— Да что вы, дети, беспокоитесь обо мне! Я хотела рассказать вам о великом плане спасения, искупления человека, но раз вы не желаете слушать, то я сейчас же уеду. Поздравляю тебя, сынок, с достигнутой высотой. Будь настоящим человеком! Вот тебе мой подарок! — она подарила мне красивую ручку с золотым пером.

Я поцеловал ее и тихо шепнул ей на ухо:

— Спасибо тебе за все, мама.

Оля подбежала, тоже поцеловала ее и сказала:

— Спасибо вам, Анна Михайловна, за все, будьте счастливы! До свиданья!

Мама тут же засуетилась, собралась и быстро вышла. Я хотел было проводить ее до лестницы, но Оля захлопнула передо мной дверь. Я накинулся на Олю:

— Ты всегда так плохо поступаешь с мамой! Если ты меня любишь, то почему так ненавидишь человека, который дорог мне?

Я разозлился, но замолчал, чтобы не дать разгореться ссоре. Подбежал к окну. Мама, сильно сгорбившись, шла по тротуару. Мне показалось, что она рыдала. В этот момент подошла Оля и заискивающе сказала:

— Не думай ничего плохого. Я сожалею. Если бы она приехала хоть на день позже, этого бы не случилось! Сегодня столько дел, а она со своим сном.

И тут же, весело рассмеявшись, Оля попросила:

— Пойдем, Ванечка, за заказами, время не ждет.

Я очнулся, как от кошмарного сна, и пошел следом за женой, чтобы принести из магазина заказы — вот-вот придут гости.

Постепенно все забылось. Шли дни, недели, месяцы, годы...

Мы окунулись в жизнь, в дела. Я привык к семье такой, какая она у меня была. Радовался, что у меня есть умная, красивая жена и хорошо воспитанные дети.

С того времени прошло десять лет. Раз в году я писал новогодние поздравления и получал ответ от мамы. А теперь, став калекой, я часто думаю о ней. Она мне очень нужна, я бы хотел исповедаться перед ней и попросить прощения за все прошлое. Она моя мать! От ее прикосновения мне стало бы легче, и я, как в детстве, приобрел бы покой. Галя! Вы теперь знаете, что собой представляла моя жизнь. А сейчас перед вами лежит человек с ничтожной и мелкой душой.

Галина молчала. Она была поражена тем, что услышала. Теперь ей стало понятно поведение его жены, его детей. Потом она тихо сказала:

— Иван Максимович, вам необходимо встретиться с вашей мамой. Дайте мне адрес, я ей напишу, если вы не можете это сделать сами.

— Галя, скажите правду, и только правду: моя жена отказалась от меня?

Стало тихо-тихо, так тихо, что сверчок, который пел вдали, был слышен...

Галя ответила:

— Она прислала вам письмо.

— Отвезите меня в палату и принесите письмо.

Галя заколебалась.

— Не бойтесь, Галя! Я приготовился к любому удару жизни, зная свою жену. Все плохое, что написано в ее письме, я прочел из ее поведения еще раньше. Я почувствовал, что у меня нет семьи, нет

дома, что я одинок. Ничего со мной уже не случится, а если я надумаю написать маме, то напишу сам, конечно, с вашей помощью.

Галя отвезла его в палату, взяла письмо и принесла ему. Уходя, сказала:

— Иван Максимович, будьте мужественны и приготовьтесь к неожиданному и жестокому удару судьбы!

— Я приготовился ко всему. Постараюсь в этом быть похожим на мою маму. Ее не сломили удары судьбы, хотя она и получила их от самого любимого человека на земле — сына.

— Спокойной ночи, — сказала Галина и тихо закрыла за собой дверь палаты. Сначала она хотела идти домой, но потом решила остаться на ночь в отделении больницы — вдруг понадобится ее помощь.

Прошла ночь. Утром Галя зашла в палату. Иван Максимович спал мирным сном. Письмо лежало у него на груди. Галя взяла письмо и положила его в конверт.

Что же произошло этой ночью?

Иван Максимович прочитал письмо. Потом еще, и еще, и так несколько раз. Он никак не мог поверить, что Ольга и дети оставили его в самую тяжелую пору жизни. Сердце ныло. Ему хотелось кричать от боли. Вот и все кончено. Он остался один, никому не нужный. «Неужели Ольга никогда не любила меня? Неужели ей нужно было только мое положение в обществе и состояние? Прожить двадцать пять лет вместе и при самом тяжелом испытании оставить! Правда, мне уже пятьдесят лет и я калека, а ей сорок пять. Она еще красива... А дети? Эх, дети, дети...»

Так размышлял он ночью и опять брал письмо и перечитывал его:

«Ваня! Я пишу тебе это письмо и плачу, но не могу ничего с собой сделать. Ты меня осудишь, но иначе я не могу. Ты характером очень похож на свою мать, она у тебя терпеливая, сильная духом и всегда сносила все оскорбления молча. Я поменяла квартиру и с детьми уезжаю в город М. Думаю, что нам надо развестись, и надеюсь, что с твоей стороны никаких препятствий не будет. Так будет лучше. Я знаю и то, что тебе будет тяжело это перенести, но не забывай о том, что у тебя есть мать. Она тебя любит, и в тяжелые дни ты не будешь одинок, она не оставит тебя. Прости нас всех. Не проклинай меня. Не унывай. Произошло непоправимое. Прости, Ваня!

Оля и дети».

Он размышлял: Оля и дети. Вот оно, последнее сообщение, что у меня была семья. Нет детей и нет Оли. Всю жизнь она настраивала меня против мамы. Я был самым неблагодарным сыном в этом мире. Пришел день, когда и мои дети отвернулись от меня, как я отвернулся от своей мамы. Недаром говорят: что посеешь, то и пожнешь. А теперь Оля пишет: «У тебя есть мать, она любит тебя!» Оля, Оля, как ты смеешь вспоминать о моей матери? И я, ослепленный любовью к тебе, разрешал обижать это самое дорогое и милое мне существо — мою бедную маму! Да... у меня осталась только моя

мама, ты в этом права. Мать, которая в трудных условиях воспитала меня. Она сделала все, чтобы я вырос честным человеком, защищая меня от дурного влияния. Она учила меня с самых ранних лет поклоняться Богу, Который Один только может услышать и помочь во всех трудностях. То, что я имел, все, чем владел, — во всем я был должником матери. И чем же я отплатил ей? Прошло уже десять лет, как я ее не видел. Десять лет! Эти десять лет мы обменивались только телеграммами...

Иван Максимович отодвинул письмо жены и твердо решил написать матери, искренне покаяться и попросить, чтобы она приехала к нему. На душе у него стало спокойно. И через несколько минут он уснул. Проснулся лишь к обеду. Позвонил, и через несколько минут вошла Галя.

— Галя, простите, что я вас побеспокоил. Я хотел вас попросить написать письмо маме.

— Хорошо. Я останусь после работы и помогу вам.

Вечером вошла Галя с тетрадкой и ручкой в руках. Она весело сказала:

— Я к вашим услугам. Диктуйте.

— Письмо я решил написать короткое. Пишите:

«Дорогая моя мамочка!

Прошу тебя, прости меня, если можешь еще простить. Я очень одинок. Лежу в больнице. Я калека, оставленный всеми. Я не прошу, чтобы ты взяла меня к себе. Нет! На это я не имею права. Я хочу попросить у тебя прощения за все страдания, которые тебе причинил. Мама, ты мне нужна, очень нужна. В самые горест-

ные, самые трудные часы своей жизни твой сын нуждается в тебе. В тебе, самом близком и родном для меня человеке.

Прошу еще раз — прости. Твой сын Ваня».

Галина написала адрес на конверте и вышла. Сев за стол, она продолжила письмо, но потом решительно вычеркнула то, что написала, и, одевшись, пошла на почту.



Ополовиненное детство
У тех, кто вырос без отца,
Как утаенное наследство,
Как правда жизни в пол-лица.

И мамы, искренне стараясь
Все компенсировать собой,
В две смены молча надрывались
И шли усталые домой.

Нам становилась все известней
С годами истина одна:
Отец у всех один — Небесный,
А мать — у каждого своя.

Она все вынесет, все стерпит,
Простит, утешит и поймет,
Она всему по-детски верит,
И выход в трудностях найдет.

Протест пульсирует в аортах,
Нам сложно говорить с Отцом...
Для нас, детей «второго сорта»,
У Бога — женское лицо.

Да и по ныне, точно знаю,
Случись беда в судьбе моей, —
Увечный, нищий, неприкаянный,
Я буду нужен только ей.



Мать



Не было такого дня, чтобы она не подумала о своем сыне и о внуках. Она постоянно молилась об их спасении, несмотря на то, что весточек не было. Зная, что нелюбима невесткой, она не хотела надоедать им своими письмами.

26

Прошло десять лет, она получала от сына теплые и ласковые поздравительные слова только на Новый год. Душа ее часто ныла, но никто из окружающих не знал ее глубокой скорби. Она переносила все с любовью и терпением. Когда ей было невыносимо тяжело, она для утешения читала о страданиях Христа и умилялась сердцем. Она считала, что это — ее крест, и с терпением, без ропота несла его. Часто плакала и молилась о спасении сына и его семьи. Ей была страшна та черствость, которая царила в их сердцах. Были такие дни, когда она уставала и поддавалась унынию. Колени дрожали, руки опускались. Но так как она любила Господа, она желала видеть Его своим Советником. В печали и одиночестве она находила утешение в Иисусе Христе, самом лучшем, верном Друге.

Она признавала свою ошибку в воспитании сына, но твердо верила, что Бог простит неведение и исправит то, что упустила она.

Несмотря на черствость сына, мать любила его горячо и желала спасения от греха всей его семье. Она не сомневалась в любви Иисуса и поэтому ни-

когда не жаловалась, а только лишь благодарила Отца Небесного.

Ее любили окружающие. Она была очень добра. Забывая свои собственные трудности и переживания, она использовала всякую возможность, чтобы делать людям добро.

Несколько месяцев назад она потеряла душевный покой, ее постоянно тревожили мысли о благополучии сына. Ей часто чудилось, что с сыном произошло что-то страшное и что он зовет ее. Она уже несколько раз собиралась поехать к нему, но все не решалась.

И вот, наконец, письмо от сына, написанное чужим почерком. Она читает его, но ничего не понимает. Снова читает и медленно опускается на стул. До ее сознания доходят слова: «Я очень одинок, я калека, оставленный всеми... Мама, ты мне нужна!»

Она поднимается со стула и решительно идет к шкафу. Быстро одевается, собирает необходимые вещи, берет деньги. Вдруг резко останавливается и ясно вспоминает слова, прочитанные вчера: «Разве мы не имеем причин быть благодарными каждую минуту, даже когда на нашем пути появляются трудности?» Она склоняет колени и просит благословения Божьего на этот нелегкий для нее путь.

Получив утешение, она твердо верит, что нет такого горя, такой печали, для которых Господь не предусмотрел бы целебного средства. Она готова ехать к сыну...

...По больничной лестнице поднимается сторбленная и покрытая сединой, встревоженная неизвестностью мать. На ее лице не видно тени недовольства или ропота. Ее украшает материнская

27

любовь. Поднявшись, она спрашивает больного, встретившегося ей в коридоре:

— Какое это отделение?

— А вы к кому, мамаша?

— К Петрову.

— Это ваш сын?

— Да!

Больной побежал по коридору, и тут же перед ней появилась миловидная молодая медсестра.

— Здравствуйте, Анна Михайловна!

— Здравствуйте.

— Меня зовут Галя. Прежде чем вы зайдете к сыну, я должна с вами поговорить, так как в данный момент хирурга нет. Посидите здесь. Я приду через десять минут.

Галя повела ее в вестибюль и, усадив, побежала на пост. Ровно через десять минут она появилась, сказав:

— Пойдемте со мной!

Они вошли в пустую палату. Галя предложила сесть. Сама села рядом. Анна Михайловна вопросительно смотрела на нее.

— Анна Михайловна, — начала Галя, — все шесть месяцев мне пришлось ухаживать за Иваном Максимовичем. По его словам, я знаю, что вы женщина сильная духом, и поэтому я вам расскажу все, как есть. Сын ваш калека.

— У него нет руки?

— Да, у него нет правой руки, он потерял ее в страшной катастрофе.

— Изуродован?

— У него нет... может, не все сразу? Давайте сходим попьем чаю. Вы с дороги.

— Говори, доченька. Я ко всему приготовилась, а Господь мне поможет!

— У него нет ног. Он пал духом. Ему нужна именно вы, мать. Он мне все рассказал. Он очень искренне кается и желает только одного: получить от вас прощение.

— Да что ты, доченька! За что это он себя так бичует? Я не обижаюсь на него. Он был сильно занят, и у него никогда не было свободного времени.

— Анна Михайловна, я все знаю. Однажды вечером, когда я его на коляске вывезла на прогулку, он рассказал мне историю своей жизни. Мне хирург поручил узнать про вас. Это было в тот момент, когда жена отказалась от него, настроив против него и детей. Вот ее письмо.

— Бедный мой сын!

Мать прочитала. На ее лице лежала скорбь. Слезы текли по щекам. Прочитав, она сказала:

— Я этому не удивляюсь. Оля всегда была самолюбивой, гордой и черствой. Она действительно не смогла вынести такого удара судьбы. Жаль детей, жаль Ваню. Отведи меня, доченька, к моему сыну, а тебе большое спасибо за все. Пусть тебя благословит Господь, Сущий на небесах, за твое доброе сердце.

Галя повела Анну Михайловну по длинному коридору к пятой палате.

Дверь тихо отворилась. Иван Максимович лежал с закрытыми глазами. Галя подошла и, тронув его за руку, тихо сказала:

— Иван Максимович, к вам пришли.

Он открыл глаза и увидел перед собой поседевшую от горя и времени мать. Она стояла прямо и тихо сказала:

— Здравствуй, сынок!

Он радостно вскрикнул, как маленький ребенок:

— Мама!

Она прижалась к нему, обняла, целовала его в лоб, щеки и тихо приговаривала: «Мой сыночек! Мой сыночек!» Потом села на стул. Некоторое время они молчали. Она гладила его черные волосы. Сын поднял на нее свои карие, полные слез глаза, и его губы прошептали: «Мама, прости меня!»

— Сынок, не беспокойся. У меня нет на тебя и на Олю никакой обиды.

— Мама, не надо о ней. У меня в жизни никого нет. Я одинок.

— Как это нет? Есть я. Ты мне нужен такой, какой есть. Подожду хирурга, и мы поедем домой.

— Поедем домой? Мне кажется, что я маленький-маленький и что ты возьмешь меня сейчас за руку и поведешь.

— Да, сынок, для меня ты всегда маленький. Я купила себе небольшой дом и садик. Во дворе много цветов. Тебе понравится дома. Мы с тобой будем жить вместе, и ни ты, ни я не будем одиночки. Я буду счастлива, что ты рядом со мной, и буду стараться понять твои душевные переживания и вместе с тобой делить их. Твои планы, интересы будут и моими. Мы будем с тобой жить под одной крышей! Это будет для меня великое счастье!

— Мама, ты такая добрая, как и прежде. Ты ни в чем не изменилась, только постарела. В твоём присутствии и я становлюсь добрее. Мне мирно и хорошо с тобой! Мамочка, я хочу домой!

Анна Михайловна переговорила обо всем с хирургом и с Галей. Хирург пообещал на машине скорой помощи отвезти их. Прощаясь с больными и с хирургом, Ивану Максимовичу казалось, что он оставил здесь часть своей жизни... Позже всех

подошла Галина. Он поблагодарил ее за внимание, доброту и пожелал ей всего наилучшего, а она попросила его:

— Иван Максимович, пообещайте, что вы будете мне писать письма, как родной дочери. Пишите обо всем и вы тоже, Анна Михайловна. Я буду очень рада!

— Скучно будет тебе читать, Галя, то, что я буду писать.

— Да нет! Мы с вами, Иван Максимович, вместе пережили здесь, в больнице, трудный душевный кризис, и мне будет приятно узнать о вас, о вашей жизни, о ваших планах. Пишите. Вот мой домашний адрес и адрес больницы.

— Хорошо, Галя, обещаю тебе писать. Как станет скучно читать мои письма, напиши откровенно: «Больше не пишите».

— Согласна. Желаю вам доброго пути.

Машина скорой помощи медленно выехала из больничного двора. Хирург и Галя стояли до тех пор, пока машина не скрылась. Доктор облегченно вздохнул:

— Я рад, что кончилось все так хорошо.

— Знаете, мне бы очень хотелось поддерживать связь с этим человеком и все знать о его жизни. Я росла без отца и привязалась к нему, как к отцу.





Суицид — магический термин.
Шепот цифр, статистический бред.
Миражом замаячил выход,
Словно в темном тоннеле свет.

32

Грех... Обман... Притяженье смерти...
Черный омут небытия...
Небо свилось, как свиток древний,
Обожгло о закат края.

Горизонта кривое лезвие
Источает кровавый свет...
Будет этот закат последним,
Или стоит встретить рассвет?

Но к чему продлевать бессилье?
Лучше — мгла, покой, пустота...
Черный парус расправил крылья
Над усталой мачтой креста.

Лодка смерти. Как чайки, мысли
Беспокойно вьются над ней.
Улыбнись берегам осенним
Бесприютной жизни своей...

33

Вдруг как всплеск внезапно, неожиданно
Всколыхнул сознание протест:
«Выход ЕСТЬ, он — в другом, ты слышишь?
Выход есть — ПОСМОТРИ НА КРЕСТ!

Жить трудней, чем уйти из жизни.
Сколько можно себя жалеть?
Не себя, а других старайся
Состраданием обогреть!»

Я не знал, что в тот миг коварный,
Словно слыша мысли мои,
Мать молилась, распятым сердцем,
Заслонив меня от беды.



Дома



Иван Максимович лежал на диване в уютном зале, окна были открыты. Мама зашла к нему с доктором. Доктор осмотрел его, долго что-то измерял. Через неделю Иван Максимович уже катался по дому и двору в легкой коляске самостоятельно. Мать взялась за сына: она учила его писать левой рукой; как маленького, ободряла и наставляла. Ему жилось тихо и мирно. А это было самое главное. Он никогда так не любил свою мать, как сейчас.

Однажды мама напомнила ему:

— Ваня, напиши Гале письмо, она ведь ждет. Хорошая она девочка.

— Хорошо, мама, напишу. А ведь я о ней ничего не знаю. Больные, правда, говорили, что она росла без отца. Это было заметно. Ведь она привязалась ко мне, как дочь.

Иван Максимович стал писать письмо за письмом. Ответы Гали приносили ему радость.

Из писем и мы узнаем о его жизни дома.

«Здравствуй, Галя! Исполняю свое обещание и пишу тебе о своей жизни. Прошел месяц, я жил, как будто во сне. Мне казалось, что я маленький мальчик, любимый мамочкой, который ни в чем не имеет нужды. Но вдруг наступило прозрение — ведь я калека, и я почувствовал себя несчастнее всех. Я был в отчаянии и хотел покончить жизнь самоубийством. Мама уехала в деревню. Я встал

рано утром с единственным решением: прервать свою жизнь. С этой целью я долго рассматривал большой кухонный нож, и как раз в этот момент, ни раньше, ни позже, вошел молодой мужчина с доброй улыбкой и сразу спросил: „Рассматриваете нож, достаточно ли он острый?“

„Да, — ответил я недружелюбно, — он достаточно острый, чтобы несчастный калека покончил с собой и не мешал больше никому жить на этом свете“. „Бросьте нож, а то, боюсь, что при таких обстоятельствах наше знакомство может не состояться“. Я покорно положил нож. Плохое настроение покинуло меня в присутствии этого молодого красивого человека, и я, с любопытством протянув ему руку, представился: „Иван Максимович“. — „Миша“. И мне вдруг, не знаю почему, но так страстно захотелось, чтобы он остался у нас.

Незнакомец продолжал: „Анна Михайловна дома?“ — „Нет ее. Она в деревне. Приедет завтра вечером“. — „Разрешите до ее прибытия остаться у вас“. „Хоть навсегда“, — выпалил я с радостью. „Навсегда?“ — спросил он с доброй улыбкой. „Может, и навсегда“, — закончил он. Я продолжал: „Да садись ты, пожалуйста. Расскажи, кто ты и откуда приехал?“

Он сел на стул возле окна и начал рассказывать: „Маму вашу я знаю давно. Мы с ней члены одной церкви. Мне было двадцать лет, когда я пришел к Богу и заключил с Ним завет. Моя семья состояла из двух человек: мама да я. Мама была парализована, по этой причине я не женился и посвятил свою жизнь ей. Я боялся, что если женюсь, то мама может быть в тягость жене и тогда должна будет лишиться на этом свете самого дорогого, что у нее есть, —

сына. Я отдавал ей все свое свободное время, заботился о ней и ни разу не пожалел об этом. Неделю назад я похоронил ее в надежде на встречу с ней при первом воскресении праведников. Сейчас я продал дом и решил поехать к Анне Михайловне, подумав, что она тоже одинока, как и я теперь. Раньше Анна Михайловна часто приезжала к нам, и мы очень хорошо проводили время втроем. Когда я зашел к вам в дом и увидел вас в таком состоянии, я подумал, что Бог вовремя меня послал в этот дом. Вы ее сын? Очень похожи на нее“. „Сын“, — ответил я.

Мы немного посидели молча, потом Миша продолжил: „Иван Максимович, в жизни каждого может случиться беда. Нужно крепиться и проявлять силу духа“.

„Говоришь, у каждого может беда случиться? Но такой беды, как у меня, ни у кого нет. Я калека, понимаешь, калека, брошенный всеми: женой, детьми“, — воскликнул я с горечью впервые после того, как был оставлен ими.

„Да-а! Может, мне и не понять до конца твоей беды. Утешить тебя я тоже не смогу, но все-таки для чего-то ты оставлен жить тем Всемогущим Властелином неба и земли, у Которого сочтены все дни нашей жизни. Не для того ли ты оставлен, чтобы то, что было нехорошим в твоей прошлой жизни, оставить, раскаяться и найти путь прощения, мира и покоя для души? Не для того ли, чтобы найти путь к вечной жизни, где все будет восстановлено и ты будешь жить вечно?“

„Восстановлен? Что, вырастут рука и ноги? Не смей меня, Мишенька“, — сказал я с иронией. „Да. Будет рука, будут ноги. И ты будешь молодым и здоровым“.

Он нагнулся, достал из портфеля Библию и начал читать: „Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет, как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего. Укрепите ослабевшие руки и утвердите колена дрожащие; скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых и уши глухих отверзнутся. Тогда хромо́й вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне и в степи — потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля — в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет место для тростника и камыша. И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них *одних*; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся. Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него; его не найдется там, а будут ходить искомленные. И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся“ (Исаия, 35-я глава).

Галя, я специально дословно списал тебе из Библии этот текст, чтобы ты вместе со мной разделила мою радость — для меня нашелся выход. Может быть, тебе станет сейчас смешно, но я искренне поверил этим словам, и они принесли мне огромное утешение. На сердце стало легко и радостно.